

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Сергей МАЛИЦКИЙ

ОЧЕРТЕНИЕ ТЬМЫ

Роман

Москва, 2016
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М19

Серия основана в 2004 году
Выпуск 616

Художник
Л. Клепакова

Малицкий С. В.

М19 Очертание тьмы: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 378 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2255-5

В пережившем вторжение, войну и планетарную катастрофу индустриальном мире через тысячи лет мрака и бедствий воцарилось время меча и магии. Природа залечивает раны, время стирает память о минувшем, но прошлое возвращается так же, как кровь из открывшейся раны пропитывает одежду.

Ужасные знамения, происходящие в маленьком городке, пытаются разгадать храмовые старатели. С ними — юная послушница из Приюта Окаянных.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Малицкий С. В., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2255-5

ПРОЛОГ

Олс

Бедой повеяло еще с лета. Шесть часовен из тридцати на святом пути из Тимпала к Тэру дали трещины, а одна, что стояла у северных ворот Гара, так и вовсе рухнула. Рухнула и рухнула: чего пустое перемальвать; значит, время ей пришло, ничто не вечно под солнцем, кроме Эдхарского моста, ну так ведь не о нем речь? Мост стоял и стоять будет, говорено, что выйдет его срок тогда, когда весь Талэм свернется и высохнет, как кленовый лист в канун зимы. Тем более новую часовню за неделю из бревен срубили и поставили рядом, свежие руины расчистили, поправили фундамент да на прежнем месте начали строить уже настоящий собор. Давно было пора — все-таки на шесть сотен лиг только один подорожный храм сиял золотым колесом на шпиле, да и тот в стольном Сиуине. Не считать же подорожными храмами соборы в начале и конце дороги? Один — Белый Храм Священного Двора Вседержателя — для боли и печали начала пути, другой — Черный Храм на месте бывшей Черной Башни — для скорби и слез окончания странствия, и оба они для того же самого в обратном порядке, потому как колесный ход в две стороны прокладывается — от Тимпала до Тэра и обратно. По двадцать лиг в день от часовни к часовне — чтобы топать без усталы весь второй и третий месяцы осени. Хоть раз в жизни всякий колесник должен проделать его в одну сторону, а если послушание какое на паломника накладывалось или сан располагал, то и с возвратом, и порой не единожды.

Сначала казалось, что все обошлось. Прочие часовни поправили еще до осени, да и всем остальным строгий надзор учинили, шутка ли, тысячи людей пойдут святым путем, будут прикладывать лбы к древним камням, хвататься за них, поли-

вать слезами.хлопот королевской страже на два месяца — глаз не сомкнуть, да только служба — она служба и есть, дело привычное. Другого бояться следовало: если пакость какая-нибудь вдруг всплывет, воровство разовьется или ведун без королевского ярлыка народ смущать станет. Или же, что еще хуже, магия волю поимеет. Вот как раз с магией в тот год беда и вышла. В самом начале осени, когда работы в Гаре уже шли полным ходом, тимпалский голубятник поймал птичку от гарского сэгата, как раз от того, у которого часовня рухнула. На птичьей лапке болталось послание, в котором, как водится, были выписаны восхваления и Вседержателю, и мученику Нэйфу, имелась благодарность главе Священного Двора за помощь в строительстве нового храма, но вслед за обязательным почтением размещалась жалоба, и как раз в ней перечислялись навалившиеся на приход беды и тревоги. Сэгат сетовал, что с самого обрушения прежней часовни в городе творится непотребство. Стали являться зловещие призраки и странные знаки, производящие смущение населения. Кроме того, среди достопочтенных горожан, не меньше половины которых является благоверными прихожанами Храма Нэйфа, обнаружилось сразу три оборотня-имни, коих стража, конечно, порубила, но пока до рубки дошло — от оных пострадала куча народу, в том числе полегло насмерть множество невинных подданных тэрского короля. А те, что увечьями отделались, вовсе забыли о скором святом шествии и поголовно твердят о каком-то явлении и страшатся его пуще смерти, хотя смерти продолжают, во всяком случае, пропавшие и ненайденные среди горожан числятся. Все это, продолжал сэгат, наводит глубокую печаль и тревогу, к тому же вкупе с недавним обрушением часовни отвращает людей от святого престола в пользу Храма Присутствия и прочих кощунственных верований.

Забегали, засуетились после ужасной вести послушники Священного Двора. Ни о каком явлении, правда, никто из них толком не слышал, да и прежние вести об оборотнях оказывались обычно фантазиями, хотя нечисти в дальних краях хватало, но всякая смерть чаще всего объяснялась просто, потому как нет ничего проще смерти. Однако до начала колесного хода оставалось не так много времени, а большего вреда вере, чем от смущения умов, произойти не могло, поэтому престарелый Ата вызвал сэгата Белого Храма и приказал отправить в Гар лучших храмовых старателей. То есть служителей, предназна-

ченных для разбирательства противоестественных дел, а именно судью, усмирителя и защитника, или, как порой говорили в народе, судью, палача и печальника.

Выехали старатели из Тимпала в тот же день, меняя на каждом дозоре лошадей, добрались за неделю или около того до Гара и приступили к разбирательству. А в первый день второго месяца осени, когда должно было начаться шествие и тысячи паломников ждали полуденного удара колокола, чтобы двинуться вместе со священной процессией с севера на юг из Тимпала к Тэру через тот самый Гар, в городе появился всадник. Его одежда была изодрана, глаза — красны от бессонных ночей, лошадь почти загнана, однако он продолжал вонзать в ее бока шпоры. Всадником был отправленный в Гар судья Эгрич.

Он миновал Известковую слободу, спугнул стаю ворон, ждущих жертвенных отрубей в кронах священной дубовой рощи, поднялся по широкой Гончарной улице к верхнему городу, миновал нижние ворота, махнул рукой дозору верхних и спрыгнул с коня только у главной лестницы, но не потому, что добрался до места, а потому что загнанное животное упало у первой ступени и испустило дух. Паломники, заполнившие площадь, замерли.

— Что стряслось, Эгрич? — насторожился старший дозора.

— Беда... — прохрипел тот и побежал по лестнице к храму.

— Двое за мной! — рявкнул дозорный и поспешил за вестником.

Сто шестьдесят ступеней Эгрич преодолел, не останавливаясь, хотя дыхание его прерывалось и хрип в груди заглушал шелест осенней листвы под его ногами. Лишь на самом верху судья остановился, чтобы преклонить перед воротами Белого Храма колена и нарисовать ладонью святое колесо у себя на груди, но тут же поднялся, поморщился, как будто мучился от невыносимой головной боли, и побежал по узкой лестнице, опоясывающей храм и ведущей в верхний зал, в котором шла праздничная служба. Когда, миновав двух последних стражников, судья вбежал под священные своды, силы его были на исходе.

Обряд уже завершился. Голоса младших сэгатов, славящих мученика Нэйфа, сливались с прозрачными нотами, извлекаемыми служками из даланских дудок, и взмывали под светлый купол Белого Храма. От блеска одеяний старших сэгатов рябило в глазах. Со священными кубками в руках высшие слу-

жители кружились вокруг золотой чаши, возле которой в белой тиаре и вышитой золотом сутане стоял сам Ата, предстоятель Священного Двора. В одной его руке был старый медный черпак, в другой — серебряный нож. Кровь стекала по расщепленной ладони старца, капая в чашу. Тридцать кубков должны были наполниться вином, смешанным с кровью. Тридцать часов ждали участников колесного хода. Тридцать дней мучений святого Нэйфа, когда вместо воды, о которой просил он, ему подносили только сладкое, приторное вино, повторялись уже больше тысячи лет как священный обряд.

— Ата! — закричал Эгрич, падая на пол.

Смолкли дудки. Осеклись голоса. Замер седовласый Ата.

— Ата, — приподнялся на локтях Эгрич, с трудом встал на колени, оглянувшись на замерших за спиной стражников. — Беда, Ата.

— Что случилось, судья? — грозно спросил Ата.

— Он вернулся... — прошептал Эгрич.

— Кто он? — не понял Ата.

— Старший слуга убийцы. Ужас Тэра. Мучитель Нэйфа, — страдальчески скривился Эгрич, пытаясь встать на ноги. — Он вернулся.

— Где? Когда? Кто?! — закричал в раздражении Ата.

— Здесь, — прошептал Эгрич, выпрямляясь. — Сейчас. Я.

Последнее слово было вымолвлено не так, как предыдущие. Оно не было произнесено голосом запыхавшегося, пожилого, едва стоявшего на ногах человека. Оно было произнесено тихим голосом, сила в котором колыхалась, словно океанская волна перед страшной бурей. Ата побледнел. Перед ним стоял не Эгрич. Непостижимым образом измученный судья обратился в сухого, чуть сутулого незнакомца среднего роста с лысым черепом и чертами лица, которые, казалось, повторяли линии все того же черепа.

— Кто ты? — с трудом вымолвил Ата, подавая охране знак.

— Олс, — ответил незнакомец, и рванувшиеся к нему стражники словно наткнулись на невидимые клинки, потому что плоть их разверзлась и они, роняя оружие, пали замертво.

— Мало крови, — рассмеялся, поднимая один из мечей, тот, кто назвал себя Олсом. — Не жалею крови, Ата. В каждый из тех тридцати дней, в которые Нэйфа везли из Тимпала в Тэр, бедолага пролил ее куда больше. Не жадничай. Хочешь, я тебя научу?

Никто не заметил, как Олс оказался возле Аты. Только что он был в двух десятках шагов, и вот уже встал рядом, и Ата захрипел, потому что меч вышел у него из груди, и в чашу, на край которой осел предстоятель, хлынула кровь. А потом началась бойня.

Когда зал наполнился мертвыми телами, незнакомец остался и потянулся словно после сладкого пробуждения. Затем огляделся, отбросил меч, вдохнул полной грудью, захватил ноздрями дурманящий запах смерти и облизал ладони, с которых, как и со всей его одежды и даже с головы, стекала кровь.

«В первый день второго месяца осени в часы начала священного шествия великая беда пришла в Белый Храм Тимпала, в сердце Священного Двора Вседержателя Талэма. Некто, назвавшийся Олсом и указавший на себя как на старшего слугу убийцы, ужас Тэра и мучителя Нэйфа, явился в образе судьбы Эгрича в храм и учинил массовое убийство, пощадив троих человек, но лишив жизни — восемьдесят семь».

(Писано в закрытый кодекс во Дворе Вседержателя в 1265 году от восхождения и растворения святого мученика Нэйфа, да пребудет его добрая воля с детьми его и братьями его до скончания этого мира)

Часть первая ВОЙ

ГЛАВА 1

Цай

Городишко Граброк, который сверкнул отблесками заката на черепичных крышах вроде бы за ближайшим взгорком, сначала попытался отгородиться от путников вечерним дождем, затем прикрылся еще парой холмов, спрятался в ночной туман, но был обнаружен и, раздосадованный, притворился деревней. Тонущая в темноте улица баловать закутанную в дорожные плащи четверку всадников фонарями и деревянными тротуарами не стала, однако подобием светляка собственное начало отметила. Старший крохотного отряда спрыгнул с лошади, поскользнулся, выругался, повиснув на сбруе, но выправился и, волоча налипшие на сапоги пласты глины, подошел к сторожевой будке, в которой как будто мерцал свет.

— Вот так встреча! — удивленно воскликнул он, смахивая с лица капли дождя. — Дойтен! Смотри-ка! Твой должник Цай жив-здоров.

Тот, кого назвали Дойтеном, подал лошадь вперед, наклонился и, разглядев при свете зыбкого огонька масляной лампы похрапывающую усатую морду, лениво сплюнул:

— Три года уж минуло. Да и что там было монет? И на бутель одисского не хватит...

— Добрый ты, — равнодушно заметил первый.

— Буду добрым, когда брюхо наполню, — ответил Дойтен, выпрямившись в седле.

— Воняет от него... — пошевелил ноздрями первый. — Что они тут пьют? Я такой дряни и не упомню. И бледный он какой-то. Сдал Цай за три года, сдал... И что за темень? Ни огонька...

— Ты смотри, Клокс! — раздался уже в отдалении голос Дойтена. — Кажись, частокол горожане справили. Боятся, что ли, кого? Точно поперек улицы. Оттого и огней не видно. Вро-

де свежий. Ворота... Неужто весь город укрепили? Чего ж тогда Цай спит снаружи?

— Спросишь, когда протрезвеет, хотя в прошлый раз тебе с этим не повезло, — пробормотал старший и вдруг замер.

Сквозь шум ветра, торопящегося продуть сырые кусты и деревья, донесся отдаленный вой. На прояснившемся на мгновение небе проявился узкий серп месяца. Лошадь Клокса задрожала и натянула уздцы.

— Ты слышал? — понизил голос старший, посмотрев на вернувшегося из темноты Дойтена.

— Волк или собака, — с тревогой предположил тот, поглаживая шею своей кобылы. — В такую погоду я б и сам завыл. И завою еще, если не опрокину в глотку кубок вина. Что делать-то? Цая будить? Или в ворота биться?

Клокс задумался на мгновение, словно голос неведомого зверя мог изменить его планы, но затем потянул коня в сторону:

— Нам другие ворота нужны. Демон их раздери, где они? И с этой стороны частокол? Похоже, и будка не на месте? Где трактир?

— Здесь! — раздался из темноты негромкий голос третьего путника. — Стучать?

— Стучать? — взъярился первый. — Сносить, камень мне в глотку. Еще немного, и я промокну до нитки. Не жалей кулаков, Юайс! Да что там? Ногой вдарь! Знал, что трактирщик глух как булыжник, но что и слуги у него только на отбивные годны...

Слуги на первый взгляд не были годны и на отбивные. Во всяком случае, старик, что приоткрыл ворота, высох, не дождавшись смерти. Рука его была столь худой, что вознесенная ею над головой лампа просвечивала сквозь кожу. Однако по мановению этой тонкой руки и кивку лысой головы ворота распахнулись, и вслед за этим неожиданно сухой, укрытый навесом двор наполнился топотом и храпом лошадей. По ступеням застучали башмаки, заскрипели двери, замерцали во мгле лампы, где-то в отдалении, за толстыми стенами, подали голос куры, пахнуло теплом.

— Чтобы лошади и поклажа были в порядке! — погрозил старший немалым кулаком в темноту двора, соскоблил глину с сапог о ступени и, шумно высморкавшись, толкнул тяжелую дверь.

Трактир удивил уютom, или слабый свет ламп скрадывал запустение, но выстроившиеся вдоль длинного и узкого зала столы не блестели от впитавшегося жира, с косых балок и убегающей под крышу лестницы не свисала паутина, а выскобленные лавки как будто не грозили занозить натруженные долгим пребыванием в седлах зады. Откуда-то из недр спящего заведения доносилось потрескивание углей, тянуло дымком и даже запахом тушеной баранины. Только охотников за вечерним или уже ночным угощением оказалось немного. В середине зала, положив голову на локоть, дремал плечистый горожанин или путник в сером дорожном плаще и суконном треухе, а за соседними столами в блюда с кушаньем макали куски лепешек еще двое: мужчина средних лет в зеленом котто и зеленой же шапке, из-под которой вились седые кудри, и лысый толстяк в черном балахоне с лекарской треугольной бляхой на груди. На поздних гостей, которые появились на отгороженном перилами возвышении для важных особ, никто из едоков особого внимания не обратил, разве только седовласый кивнул незнакомцам, приложив руку к груди.

Между тем Клокс, которым оказался пожилой, но еще крепкий седобородый мужчина, довольно крикнул, распустил на груди шнур плаща, бросил его на перила, похлопал по отсыревшим плечам и бедрам, очертил ладонью круг на собственной груди от бороды к пупу и обратно и, поклонившись столам, едокам, балкам и скамьям, обернулся и проследил, чтобы положенный жест был повторен и его спутниками.

Их было трое. Дойтен — высокий и чуть грузноватый мужчина средних лет с торчащими подобно наконечникам копий усами и бородкой — со стуком приладил о пол ружье в кожаном чехле, распахнул плащ, звякнул ножнами меча и уселся на тяжелую скамью, с легкостью отодвинув от нее стол носком сапога. Уступающий Дойтену весом, но не ростом или шириной плеч Юайс сбросил капюшон, обнаружив под ним длинные светлые волосы, скрывающие его лицо не хуже ткани, и замер, оглядывая помещение из-под локонов. Третий — неожиданно тонкий и не слишком высокий — остался за спиной Юайса, но мелькнувшие под мокрой тканью тонкий нос, прядь темных волос и как будто изогнувшиеся в ехидной усмешке губы не оставляли сомнений: младший в отряде — девчонка.

— Отдыхай, Гао, — сказал Юайс, не оборачиваясь. — Здесь хорошо.

Девчонка чуть слышно фыркнула и присела у выхода.

— Было хорошо, — проскрипел Дойтен. — Всякий раз нужно убеждаться заново. Кстати, кроме наших — четыре лошади под навесом. И стоят тут, кажется, уже не первый день. Ты заметил, Клокс?

— Нет, я ослеп на старости лет, — потер виски седобородый, кивнув выскочившим из-за лестницы служкам с тряпками и холстиной. — Два вороных, один гнедой и один серый. И все жеребцы, что редкость. Я ничего не пропустил, Юайс?

— Не считая хозяйской живности за воротами сарая, еще был осел.

Светловолосый потрогал сухими пальцами острый, начинающий покрываться щетиной подбородок, тоже потянул шнуровку плаща и добавил:

— За крайним жеребцом. Или же у того было восемь ног.

— Осел? — пожал плечами Клокс и тоже приладил к скамью, отпихнув того из служек, что пытался застелить стол. — А ну хватит уже натирать доски. И тряпок не нужно. Хозяина зовите. И еды несите. Еды!

— И вина! — вторично громыхнул ружьем о пол Дойтен и раскатился хриплым смешком вслед помчавшимся прочь мальчишкам.

— И где же седоки четырех прекрасных коней? — прищурился Клокс. — Может быть, тоже укрылись в сарае? Эти трое непохожи на них. Что скажешь, Юайс?

Светловолосый, который было начал приглядываться к едокам, обернулся:

— Все еще проверяешь меня, судья? Не надоело? Я ведь под твое начало не набивался. Или винишь в том, что Брайдем не дал тебе Роута?

— Думаю о его резонах, — пробурчал Клокс. — Если Роут так ему нужен, выходит, он дал мне ненужного? И что это значит — Роут не справится? С чем Роут не справится, с чем справишься ты? Что ты умеешь такого, чего не умеет Роут? И откуда Брайдем может знать, что нам предстоит?

— А откуда мне знать то, что знает Брайдем? — спросил Юайс.

— Однако за что-то он тебя привечает, — с досадой заметил Клокс. — Ты же в приюте всего три года? Так?

— Как и все прочие, — согласился Юайс. — Но камень в его стены не клал. Обитель восстанавливали без меня.

— А раньше кем был?

— Кем только не был, — произнес Юайс. — Странствовал...

— Бродяжничал, что ли? — покосился на Дойтена Клокс. — Не похож ты что-то на бродягу... Хотя ладно. То не моего ума дело, кого Брайдем в наставники подбирает, но вот здесь, в Граброке, расхлебывать мне придется, чего бы ты ни наворотил. Ты да... подопечная твоя.

— Брось, старина, — скривился Дойтен. — Брайдем на возок барахло не сгрузил бы. Он тебе, кстати, о Роуте тоже в свое время рассказывать отказался. И что? В Стеблях дешевки не обретаются. Я там кое-кого из стражников знаю: поверь мне, такие воины не то что в Сиуине, во всей Ардане наперечет. И насчет воспитанников от самого Двора повеление идет. Приют под покровительством Аты. Надо значит надо.

— Никак ты в защитники записался? — оторопел Клокс.

— А что тебе не нравится? — оскалился Дойтен. — Или не ты полдороги на девчонку глазом зыркал? Да и то сказать, не все же на мою рожу любоваться?

Последние слова Дойтена вызвали повторное фырканье из-под капюшона Гаоты, отчего Клокс тут же поджал губы.

— Ладно, — махнул он рукой. — Брайдем — умница, каких мало, спорить не стану. Пожалел Роута, значит, пожалел. Только если бы я знал, что так выйдет, не стал бы в приют заворачивать. Дождался бы возвращения второй тройки, взял бы их защитника.

— Ага, — хмыкнул Дойтен. — Так бы тебе и дали ждать... Нужда не терпит.

— Да знаю я все эти нужды, — отмахнулся Клокс. — Вечно какая-нибудь ерунда да обманка. Мерзости хватает, это правда, и чем дальше, тем больше, а вот подлинная нужда редко случается. Ты вспомни, когда в последний раз ружье свое заряжал? А? То-то... Только нужда нуждой, а дело — делом. А Роут в последнем деле был неплох. И в предпоследнем. И в первом из трех, что случились, как... — Клокс сплюнул. — Только привыкли, опять незнакомца дали, да еще и с дитем.

— Ты вроде насчет Роута еще громче плевался? — зевнул Дойтен. — Орал, что никто не сможет заменить Мадра?

— Однако Роут каждую мелочь на просвет видел... — раздраженно повысил голос Клокс.

— Ладно, — поднял руку Юайс. — Я, конечно, не Роут, но успокоить тебя, судья, постараюсь. Знаю, защитник должен видеть все и даже то, что невидимо. Защищать невинных точным разбирательством и собственным вниманием. Так вот, насчет седоков, — светловолосый присел напротив судьи, понизил голос: — Их в зале нет. Тот странник в зеленом прибыл в Граброк на осле, двое других — пешие. Все непростые. Кто в чем — пока не знаю. Но в Граброке, помнится мне, четыре трактира, каждый из которых имеет и комнаты для ночлега. Из них на отшибе три, в том числе и этот. Но он как раз не дешевая ночлежка. Так что эту троицу к бродягам отнести никак нельзя. Однако и те, кто может позволить себе хорошего коня, селятся на окраине не просто так. Сейчас они в городе, не настолько он велик, что верхом из конца в конец добираться. И если их нет здесь, то они сидят в трактире Юайджи. Слышал о такой? Должен был слышать... В ее заведении шумно и многолюдно. А их интерес там, где развязываются языки.

— Это еще что за интерес? — не понял Клокс. — Они мытари, что ли?

— Охотники, — ответил Юайс. — Черные егеря.

— Здесь? — усомнился Клокс, в изумлении повернулся к Дойтену, хлопнул себя по коленям. — Что им здесь делать? Разве мы у Бейнского леса? Или у Черной Гряды? Мы в добром Сиуине, да будет благословен его славный король! Какие егеря? Я уж забыл, когда и поодиночке с ними сталкивался!

— Все четверо, — кивнул Юайс. — Но каждый — сам за себя. Один из них мискан, как Гао, другой, как и ты, снок. Третий — дорчи. Четвертая — женщина. Ардка.

— Чтоб я сдох! — разинул рот Клокс. — Ты слышал, Дойтен? Он издевается. Роут веселил меня не раз, но насмехаться надо мной себе не позволял. С чего ты взял всю эту чушь? Я не заметил буквиц на крупах коней.

— Не туда смотрел, — с улыбкой поправил усы Дойтен. — Сколько можно тебя учить, Клокс? Ты судья или я? А ведь ты ходил и в защитниках? Только мискан украшает сбрую коня всякой ерундой, и только снок кладет под седло потник с кожаной бахромой. Не согласен — выйди во двор да погляди на свою кобылу, если ее еще не расседлали. Или ты сам не заезжал на рынок в Сиуине и не подбирал себе сноцкий потник? Что касается третьего коня, только всадник высокого роста ладит так стремяна. Значит, третий — ард, сеол или дорчи; кто

еще отличается высоким ростом? Я ард и, признаюсь, не встречал ни одного снока, который хотя бы сровнялся со мной ростом. И я согласен, что на вороном в Граброк прибыл дорчи. Вот уж у кого поучиться скромности. Ничего лишнего в сбруе, зато каждый ремешок чуть шире обычного. И ни одной ненужной заклепки. Только то, что надо. А те, что есть, — зачернены. Я, правда, не понял, почему они все охотники...

— Однако на сером жеребце тоже ничего лишнего не было, — сдвинул брови Клокс. — А стремена выставлены так же, как и на гнедых. И заклепки зачернены. Почему ардка и почему женщина?

— Кстати? — поднял брови и уставился на Юайса Дойтен.

— Потому что во всей Ардане есть только один такой конь, — ответил Юайс. — И он принадлежит женщине, которая смогла с ним сладить. Я бы без особой нужды не взялся седлать этого жеребца.

— И кто она? — спросил Клокс.

— Глума. Слышал о такой?

— Глума?.. — донесся изумленный шепот из-под капюшона Гаоты.

— Что-то витало, — прищурился Дойтен. — Кажется, в предгорьях Черной Гряды ее зовут безумной бабой?

— Ну, я тоже слышал, что один из усмирителей Священного Двора слегка безумен, — рассмеялся Юайс.

— Гнусный поклеп, — отмахнулся Дойтен. — Если так и говорят, то только про усмирителя из первой тройки. Про Дэта. Я в порядке.

— Не сомневаюсь, — кивнул Юайс. — Только про Дэта говорят, что он безумен не слегка.

— Он сам когда-то был черным егерем, — подал голос Клокс. — Это просто так не проходит!

— Пожалуй, — прищурился Юайс. — Правда, сам недугами не страдаю. Но знаю по именам многих охотников с этой стороны гор, не только Глуму. Хотя с Дэтом не сталкивался... И поверь мне, Клокс, егеря в Граброке не просто так. И мне это не нравится.

— Значит, все-таки не бродяга? — крикнул судья. — Из егерей? Чего же не сказал раньше?

— Зачем? — пожал плечами Юайс. — К тому же это было давно.

— Давно? — фыркнул Дойтен. — Сколько тебе лет, наставник? Тридцать? Ну, тридцать пять? Что такое это твое «давно»?

— Десять лет прошло, — сказал Юайс. — Хотя я... наезжал к старым знакомым и позже.

— Поохотиться? — хохотнул Дойтен. — А до того? Ты что же, зеленым юнцом пристал к егерям? Или тебя таскали с собой, как мы вот эту девчонку? И ты стал егерем? Не смехи мою кобылу!

— Я был бы рад повеселить твою лошадку, но...

Юайс сдвинул рукав и показал серебряный браслет.

— Мать моя... — прошептал Дойтен. — Тэрский запяст? Именной? С заговором от укуса бешеного зверя и от колдовства? С клеймом тэрского короля? Говорят, что не так просто пройти испытания тем, кто хочет стать егерем. А уж чтобы получить такой знак...

— Жизнь испытывает, — пожал плечами Юайс. — Только дело не в браслете. Тем более что от укуса бешеного, да и любого, зверя он не помогает. Я снял с него все заговоры, незачем тянуть на себя внимание колдунов. А вот проходить с ним граничные дозоры королевств самое то...

— Вот как... — задумался Клокс. — А я еще дивился на твой меч... Отчего же ты... Впрочем, не мое дело. Кажется, что-то начинает сходиться. Вот Брайдем, старый пеня! Ты ведь наставляешь воспитанников в следоведении?

— В том числе, — кивнул Юайс.

— И есть толк? — покосился на девчонку судья.

— Скоро узнаем, — неопределенно вымолвил Юайс.

— Узнаем... — пробормотал судья. — А почему Брайдем сделал из тебя защитника? Почему не усмирителя? Почему у него усмирителем баба? Эта... Пайсина?

— Может быть, потому, что я ее могу заменить, а она меня нет? — предположил Юайс. — И, кстати, защитника он из меня не делал. Мы с Роутом были представлены ими Двору по его просьбе. Разве не Белый Храм покровительствует Приюту? Верховные сэгаты мудры, если смогли предусмотреть необходимость подмены.

— Подмены! — напряг скулы Клокс. — Такого защитника, как Мадр, никто не заменит. Если бы он не пропал год назад, я б до сих пор горя не знал...

Клокс хотел сказать еще что-то, но из глубины трактира до-несся странный, как будто судорожный хохот, сменившийся рыданиями. Вслед за этим сидевший в зале лекарь отодвинул пустое блюдо, поднялся, «околесил» брюхо и затопал к лестнице.

— Смотри, судья, чтобы Дойтен не пропал, — склонил голову, блеснув из-под локонов голубыми глазами, Юайс. — А то ведь выдаст тебе Брайдем на подмену Пайсину. Тогда ты точно наплачешься.

— С чего это я должен пропасть? — удивился Дойтен. — Хотя, Клокс, по мне так лучшего усмирителя, чем баба, и не придумаешь. Я, правда, так и не понял, с каким горем ты познакомился после исчезновения Мадра, но ты бы лучше в самом деле прикинул: что за охота намечается в Граброче? Уж не за нашей ли добычей прибыли умельцы?

— Бред, — отмахнулся Клокс. — Нет никаких драконов не только в этом королевстве, но и в соседних. Их вообще нет в Талэме! Попомни мои слова!

— Вот и посмотрим, — зевнул Дойтен. — Только я сначала прикончу трактирщика. Где, демон меня раздери, еда и вино?

Здоровяк хотел уже в третий раз испытать прикладом ружья прочность пола, но стук башмаков раздался снова, из-за лестницы показались служки с подносами, на которых исходило паром что-то горячее и, судя по запаху, восхитительно вкусное, за ними мелькнула еще чья-то гибкая фигурка — одна или несколько, зазвенела жечь, загремела струя воды, и возникшая вокруг путников суета тут же обратилась приятностью. Четверке пришлось стянуть с уставших ног грязные сапоги, но жестяные корытца с горячей водой стоили мелких хлопот. Ловкие пальцы содрали со ступней подкисшие обмотки, направили ноги в горячее, подстелили ветхие холстинки и подставили низкие валенцы. Да что валенцы, если уж и запах баранины окончательно поселился в ноздрях, да и сама еда на придвинутом к лавкам столе требовала не только немедленно внимания, но и немалого усердия? До разговоров ли, если рот полнится слюной? Видно, хозяин трактира знал об этом, потому как появился, только когда часть угощения уже перекечевала в животы путников. Седой трактирщик был не только ниже ростом и шире телом, чем старик, что открывал четверке ворота, но и куда моложе его годами. Впрочем, ни его возраст, ни изрядный живот не умаляли его же бодрости, а уж шири-

ной улыбки с ним состязаться было и вовсе бессмысленно. Правда, на мгновение он ее стер, когда прикрикнул на служек, повелев им убираться с глаз долой, да поторопил рыжую девчонку, которая шустила под столом за четверых, ублажая ноги гостей трактира теплой водой, хотя и показала удивленное лицо из-под стола только однажды, когда обнаружила в своих руках не пару провонявших от долгой дороги мужских лап, а две тонких и изящных ступни.

— Фиу! — весело присвистнула, заставив снова спрятаться под столом девчонку, Гао.

— Транк! — едва не расплескав воду, вскочил с места, обрадовался подошедшему старику Клокс. — Жив еще, развалина?

— А что мне сделается? — поправил дрожащей рукой прижатую к уху слуховую трубку старик. — Или не мой отец дверь вам открывал?

— Так это Аол был? — поразился судья. — Однако не признал я его, не признал. Был белым, а стал лысым, что мое колено. Но прежней стати не растерял, хотя и высох до костровой треноги. Похоже, ты объедаешь отца? Ну ладно, я рад тебя видеть. Выходит, и ты еще помесишь глину Граброка?

— Это вряд ли, — хмыкнул трактирщик, поочередно поклонившись гостям и усаживаясь напротив. — Отца жизнь сушит, а меня квасит, как и мою матушку квасила, и долголетия ей это не прибавило. Ты же знаешь, засушенное дольше хранится. Да и зачем месить глину, если на улицах города устроены дощатые тротуары, а кое-где имеется даже и мостовая? Да, новый бургомистр не оставляет Граброк своей заботой. Так же, как и наш славный король. Младшего брата прислал для проверки готовности города к очередному празднеству, самого герцога Диуса. Как всегда, впрочем. Так что на улицах — чистота и порядок, в сердцах — благоволение. Только это ж все в городе, а не за его стеной. Или ты опять с востока? Если всю жизнь окочками пробираться, то нечего на дороги пенять. Иска! Ишь, затихла... А ну брысь отсюда! Посматривай издали. Если трапеза затянется, будь готова горячей воды подлить. Давно у нас не было таких дорогих гостей. А вы как думали? Помощница моя каждому встречному-поперечному корытце с теплой водой под ноги не тычет. Я вас уже три дня как жду. Все здесь? Как положено? Судья, палач, печальник? Или как там? Защитник?

— Не палач, а усмиритель, — поправил трактирщика Дойтен, выуживая из блюда кусок мяса на кости и запуская в него зубы.

— Кому усмиритель, а кому и смертушка в полном обличи, — с уважением пробормотал Транк и поклонился Дойтену еще раз. — И девка с вами?

— За околицей поймали, — скривился Клокс, покосившись на девчонку, которая так и не сдвинула на затылок капюшона. — Комната готова?

— Три! — расплылся в улыбке трактирщик. — Три комнаты с чистыми постелями заждались уже. Как голубь прилетел, ко мне сразу нарочного из ратуши — мол, едут. Так что все чин по чину. И поесть, и поспать, да простят меня все сэгаты Сиуина. И что же теперь? Четыре комнаты ладить?

— Одну! — погрозил трактирщику пальцем Клокс. — Забыл уже мои правила? Есть еще места?

— Есть, как не быть, — закивал трактирщик. — Паломникам рано. До конца месяца пять дней, шествие к нам придет пятнадцатого... Сколько там выходит... У меня ж полтора десятка комнат, а заняты только восемь. Есть и большая, та самая...

— Вот! — хлебнул из кубка Клокс. — Одну, но большую. Ту самую, под коньком крыши. С решеткой и ставнями на окне. С хорошей дверью. На четыре лежака. Да устрой занавеску для девки. И воды ей приготовь теплой ведро. Да таз. А если чего не понимаешь, у жены своей спроси. Все хорошеет, наверное? Или вот у служанки своей шустрой!

— Племянница она мне! — закивал трактирщик. — Всей радости у меня — два сына да племянница. С ними и справляюсь. Сыновья вам и подносили.

— А хохотал кто? — нахмурился Клокс. — Или мне почудилось?

— Да все тот же убогий, — поморщился Транк. — Приютили дурачка, что ж теперь делать? Амаданом его кличут, ты же помнишь мальчика? Подрос, правда, но он безобидный. Даже помогает иногда.

— Помню-помню, — кивнул Клокс. — Значит, все сладится?

— Все сделаю. Что ж творится-то, что ж творится... Но прибыли, оно и ладно. Значит, обойдется.

— Что обойдется? — не понял Клокс и отодвинул кубок, который успел опорожнить в очередной раз, но теперь только на половину. — Ты чего трясешься, друг мой?

— Ну как же? — испугался и даже отнял трубку от уха трактирщик. — Так все говорят... Явление...

— Какое еще явление? — насторожился Клокс.

— Так то самое же! — снова приставил трубку трактирщик. — Какое пятнадцать лет назад в Гаре было. На полпути отсюда в Тэр. Все же говорят... Все приметы опять же...

— Приметы? — переспросил Юайс.

— Они, — закивал трактирщик. — На той неделе петух яйца стал нести у горшечника. Арка в новом храме трещину дала. Часы на ратуше встали. Нечисть какая-то над рекой носится, воеет ночами — волосы дыбом встают. Опять же с месяц или больше зверь какой-то появился. Сначала кузнеца прикончил, только того вовсе не нашли. А потом уж совсем страх потерял. Бортника разорвал в лесочке, двух стражников из ночного дозора на улицах, бабу-молочницу, старика-сапожника, а под охоту не ведется. Мало того... — Трактирщик наклонился вперед и прошипел вполголоса: — Кое-кто сказывал, что покойники сами к мертвецкой приходили! Собственными ногами! Это болтовня, конечно, но с месяц назад я сам кровавый след видел. Ужас какой-то. Весь город как перед казнью. Правда, бургомистр из Тэра егерей выписал, никаких денег не жалеет. Как раз пятого дня прибыли. Правда, к тому времени уже и все улицы частоколом перегородили, и караулы усилили. Вроде пока утихло. Может, ушел зверь? Но егерь пока здесь, ладно. Но виданное ли дело, чтобы мертвецы ходили?

— Пока сам не увижу... — буркнул с набитым ртом Дойтен, — не поверю. А если мертвеца увижу, который сам своими ногами в мертвецкую шагает, так и увидев, не поверю.

— В сердцах благоволение, говоришь?.. — медленно вымолвил Клокс. — Ты уж выбирай, Транк, — или благоволение, или явление. Не сходится одно с другим. И в Гаре, кстати, все иначе было, да никто так и не появился пятнадцать лет назад...

— Только часовня рухнула, да множество горожан погибло, — заметил Юайс. — И еще кое-что стряслось, пусть и в отдалении. Много крови, очень много. И это не считая мелких неприятностей.

— Ты и там охотился, что ли, пятнадцать лет назад? — оскалил зубы судья. — Или на той службе присутствовал в Белом Храме?

— Жив, как видишь, — ответил Юайс. — Значит, не присутствовал.

— Лучше одна большая неприятность, чем десяток мелких, — проворчал Дойтен, откладывая кость. — Бешеного пса и пристрелить можно, а попробуй пристрели осеннего комара! Только если пес размером с быка, я б не рассчитывал на свое ружье... Явление, демон его раздери... Может, еще Нэйф своими ножками из Тэра вернется, пройдет через Граброк? Как раз срок.

— Не кощунствуй! — ударил ладонью по столу Клокс. — Нэйф благословенный уже тысяча двести восемьдесят лет при дворе небесного Вседержателя защитником за всех нас!

— Да кто бы спорил? — ухмыльнулся Дойтен. — Только нас-то сюда не на явление прислали. Тут бы и двух троек не хватило. И даже всех сэгатов Святого Двора. Они же вроде как в прошлый раз гуртом в расход пошли?

— Дойтен! — еще сильнее ударил по столу Клокс.

— А зачем же вы здесь? — удивился Транк. — Разве...

— Разве, — раздраженно кивнул Клок, расстегивая ворот котто. — Или ты о драконе ничего не слышал?

— О драконе? — поднял брови Транк. — Откуда ж драконы? Тысячу лет никто о них не слышал, и вдруг дракон? У нас и гор-то почти нет, так, взгорок корявый в паре лиг к югу. Где ж тот дракон? Это ж не иголка, между половиц не спрячется. Говорили в начале месяца, что корова у нашего сэгата пропала, то ли целиком, то ли наполовину, но при чем тут дракон? Можно было что-нибудь и половчее придумать. Я вам скажу, что этот наш сэгат — он такой жмот... За медную чешуйку удавится. А на дракона не только корову списать можно. Целое стадо. Тут разбираться надо.

— Вот и разберемся, — пообещал Клокс. — Не сомневайся. И не носи всякую чушь. Ни про мертвецов, ни про петухов. Ни к чему. Поспеши устроить нам комнату, завтра и начнем. Да прикладывай трубку к уху почаще. Моего интереса на все хватит — и на дракона, и на зверя, и на всякие явления, демон их раздери, и на нечисть, и на другую ерунду. Не обижу.

— Подожди, Транк, — остановил было двинувшегося во свояси трактирщика Юайс. — Кто восьмой?

— Восьмой? — не понял трактирщик.

— Четыре охотника, — перечислил Юайс. — Эти трое, что были в зале. Двое остались, но всего — семь человек. Если по каморке на брата. Кто восьмым остановился в трактире?

— Так эта, как ее... — поморщился трактирщик. — Назвалась как-то. Уже и не помню. Баба. Вот ведь редкость бабу встретить в дороге без провожатого, а тут сразу две. Охотница, что словно демон в котло, и эта... как же ее... И ведь пешком пришла. Монашка вроде, но без диска и без колеса на груди.

— В черном платье? — нахмурился Юайс. — Два платка. Черный поверх белого. Повязаны наглухо, вокруг горла. Так ведь?

— Точно! — обрадовался трактирщик. — А к ней-то какой интерес?

— Никакого, — раздраженно вмешался Клокс. — Нехрамовая паломница, мало их, но еще попадаются. Невестами Нэйфа они прозываются. Нищета. Эта, выходит, побогаче других, коли у тебя остановилась. Одно слово — дура. Если она, конечно, не на дракона пришла посмотреть...

— Да выкиньте это из головы, — махнул слуховой трубкой трактирщик и заковылял прочь.

— Я так и думал, — похлопал себя по животу Дойтен, когда трактирщик скрылся за лестницей. — Откуда бы он мог взяться, дракон? Это ж не пичужка какая. Если он где-то и уцелел, то пока летел бы в наши края, не остался бы незамеченным. Какая-то тут есть обманка. Их же уже тысячу лет как перебили? Или нет?

— Будь готов ко всему, — пробормотал Клокс, взглянув на ружье усмирителя. — Перебили не перебили, а чтобы без сюрпризов.

— Без сюрпризов у нас не бывает, — зевнул Дойтен. — Я-то уж всегда готов, не сомневайся. Только мы тут на неделю, не меньше. Явление, топором его по загрывку... Этого нам лишь не хватало...

— Кто присылал весть о драконе? — спросил Юайс, настожившись, потому как спящий за столом путник поднял голову, обнаружив длинные обвислые усы и куцую бородку на бледном лице, и как будто прислушивался к чему-то.

— Голубятню держит местный сэгат, — ответил судья. — Тот самый, у которого что-то с коровой. Даиром его зовут. Жмот он или не жмот, но с него завтра мы и начнем. С голубя-

ми, правда, его помощник управляется, Калаф, но это не важно. Ты к Даиру пойдешь, Юайс.

— Почему я? — спросил защитник.

— Ты его не знаешь, — объяснил Клокс. — А я послушаю сначала тебя, а потом уж и его. К тому же, если в Граброке герцог, мне уж точно следует прийти да поклониться ему. И с новым бургомистром переговорить, без этого нельзя. А ты... занимайся, если такой зоркий. Да не забудь мантию накинуть. На себя и на эту... Гаоту.

— Работай, защитник, — ухмыльнулся Дойтен. — И молись, чтобы не было тут никакого дракона. А уж если и будет...

Слова Дойтена прервались оглушительным ревом и как будто утробным рычанием. Звук был приглушенным и донесся из-за стены трактира, с той стороны, откуда вошли в него путники, но заставил вскочить не только Юайса и всех его спутников, а и вежливого едока в зеленом котто. Спящий бледнолицый усач уже и так стоял на ногах. Через несколько минут все они вместе с трактирщиком и его сыновьями, с обнаженными мечами, факелами и кольями наперевес стояли под вновь зарядившим дождем у охранной будки, в которой еще недавно храпел Цай. Стражник, лежа в грязи, еще дергался и вращал безумными глазами, но его минуты истекали. Горло бедняги было разодрано, а от одной из ног не осталось даже обрубка, хотя руки и пытались найти опору, хватались за Дойтена, за руки Юайса, за угол будки.

— Веревку! Тряпки! Он обезумел! — начал было орать удерживающий голову стражника Дойтен, но Юайс, который присел, положив руки на грудь умирающему, крикнул усмирителю в лицо:

— Нет!

— Что «нет»?! — закричал в ответ Дойтен.

— Не нужно ничего, — отчеканил Юайс, который и сам сравнялся бледностью с побелевшим стражником. — Не умирает, он уже мертв. Посмотри на его горло. И четверти этой раны хватило бы, чтобы убить человека. Я уж не говорю о ноге... Вот только крови мало почему-то...

— Мертв? — отскочил в сторону Дойтен. — Как это — мертв?

— Вот так... — прошептал в тишине Юайс.

Лишенный ноги стражник, едва Дойтен отошел от него, ухватился рукой за угол будки, перевернулся и пополз к воротам в ограде. Растерзанная шея его подломилась, и голова повисла на остатках плоти где-то под грудью.

— Нэйф благословенный! — в ужасе завыл трактирщик.

— Как это прекратить? — пролепетал Дойтен.

— Сейчас, — сказал Юайс. — Держите факел над ним.

Дойтен подхватил факел у одного из сыновей трактирщика, что застыли столбами за спиной собственного папаша, а Юайс вытянул из ножен странный, чуть изогнутый меч с длинной рукоятью. Погладил вспыхивающее серебром лезвие, рассек край собственной ладони, смочил острие кровью и, подойдя к почти доползшему до ворот Цаю, прошептал что-то и вонзил меч ему под лопатку, тут же отойдя на пару шагов. Причудливая рукоять задрожала, на спине стражника проступило алое пятно, которое медленно втянуло в себя огненные щупальца, переползло на меч, мгновенно нагрело его, заставив зашипеть плоть вокруг клинка, и угасло на рукояти. Цай обратился в бездыханное тело тут же, едва свечение покинуло его тело.

— Вот так, — проговорил в наступившей тишине Юайс, прихватывая рукоять меча рукавом котто и выдергивая его из тела. — Не своей волей этот мертвец пытался ползти. Думаю, что всем видевшим это лучше пока помалкивать.

— Всем ясно? — рявкнул побледневший Дойтен.

Ответом было молчание. Свидетели словно окаменели.

— Юайс! — спросил Клокс, который потерял где-то валец и теперь пытался приладить вторую ногу, уже вымазанную в глине, в половинную обувь. — Когда ты успел надеть сапоги?

— Сразу же, — ответил Юайс, убирая меч в ножны. — Почему этот стражник спал за пределами города?

— А кто его знает? — ежась от холода и от испуга, подал прерывающийся голос один из сыновей трактирщика, чернявый подросток. — Вроде он раньше и сидел в ней. Это что, магия была?

— Бургомистр сказал, что будка больше не нужна, тем более что на ночь все ворота запираются, в город можно войти только по тракту, — добавил второй, белобрысый, как и его отец. — Может быть, Цая ноги сами в нее привели?

— Не помню, чтобы он мог ходить, нажравшись, — буркнул Дойтен. — Однако ползти без ноги, да еще мертвяком, смог. Интересно только — куда.

— Известно куда, — пролепетал трактирщик, — в мертвецкую. Они все туда... приходили. Говорят...

— А ну-ка, — попросил Юайс Дойтена, — толкни-ка ворота.

Дойтен обернулся, поднял факел, шагнул к воротам и толкнул створки. Они со скрипом разошлись. За воротами во тьме, почти без единого огонька, лежал город.

— Запираются, говоришь? — посмотрел на светловолосого сына трактирщика Юайс.

— Уважаемый! — повернулся судья к усачу, который вместе с седовласым едоком собрался возвращаться на постоянный двор. — У тебя есть комната?

— Есть, — буркнул усатый. — Там же, где и у вашего почтения. По соседству. Под самым коньком моя каморка. Но какой я «уважаемый»? Бас мое имя. Травник я. По осени в этих краях селяне целебной ягодой торгуют. Если что, к вашим услугам.

— А чего ж ты, Бас, спал за столом? — не понял судья.

— Слух тонкий, — объяснил травник. — Дождь по крыше шумит, заснуть не дает.

— Услышал, что ли, пакость эту? — спросил судья.

— Услышал, — кивнул травник. — Он ведь сначала загрыз бедолагу, потом только зарычал.

— Причем бедолага даже не пикнул, — заметил Юайс и нашел взглядом Гаоту, которая замерла тенью в двух шагах от судьи. — Ты как?

— Испугалась... — прошелестела она. — Очень...

— А чем воняет от него, Бас? — поинтересовался судья. — Знакомое что-то? Усы-то тебе нюхать не мешают?

— Они у меня как у кота, — проговорил Бас. — Дрянью от бедолаги пахнет. С десяти шагов чую. Насчет воровбы не скажу, но поверх вина с сонной травой влита в него смесь из мускуса, горелого жира и пьяного меда. Да еще сапоги обмазаны свиным дерьмом.

— Это что за питье такое? — удивился судья.

— Это не питье, — пробормотал Юайс. — У егерей это так и называется — дрянь.

— Дрянь? — не понял судья.

— Дрянь, — развел руками травник и двинулся обратно в трактир.

— Дрянь, — кивнул седовласый в котло, вздохнул и тоже пошел прочь. Юайс смотрел им вслед так, словно видел в темноте. Сыновья трактирщика остались с отцом.

— Жена у Цая — стерва, — буркнул трактирщик, выколачивая дрожащей рукой воду из трубки. — От нее он в этой будке прятался. Я его частенько тут видел. Она была муженька. За дело, конечно, за пьянство, но уж лучше б была и дальше...

— Ну и где эти егеря? — поинтересовался Дойтен. — Магия, конечно, по нашей части, с этим еще разбираться и разбираться, но зверь-то — их? Ушел с добычей. Большой зверь и сильный. Ногу вырвал. Не откусил, а вырвал. Не, это не волк...

— Медведь? — спросил Клокс.

— Может быть, — пожал плечами Дойтен. — Топтать надо было меньше. Но когти вроде есть. Вот, на будке в том числе.

— Транк. — Клокс посмотрел на трактирщика, который переминался с ноги на ногу. — Давай-ка, старина, под крышу, да держи дверь открытой. Мы скоро. И пошли кого-нибудь к городской страже. Только не в одиночку. Неужто и в самом деле... Дрянь, раздери меня на части... И найдите там по дороге мою обувку!

Из-за частокола из города донесся пронзительный и заунывный звук сноковского рожка.

— Это из замка, — обернулся чернявый сын трактирщика. — Как герцог прибыл, каждую ночь отмечают. Полночь!

— Разума можно лишиться под такие песни, — поежился Дойтен. — Повеселее у них ничего не было?

— Дай-ка.

Клокс забрал у Дойтена факел и, забыв о том, что он в одном валенце, подошел к будке. Морщась от запаха растерзанной плоти, судья поднес факел к ободранному углу будки.

— Кажется, и это наша работа, — сплюнул Дойтен. — Удружил ты нам, Цай, нечего сказать. Плакал мой долг. Но к вдове сходить придется... хотя что толку? Оборотень, скорее всего. Слышал я об этой дряни. Приманка оборотня. Причем дикого.

— Или медведь, — не согласился Клокс.

— Медведь в эту пору уже в лежку собирается, — буркнул Дойтен. — Вряд ли. Оборотень, скорее. Только откуда он взялся? Тем более вблизи тракта? Сколько уж лет ничего похожего...

— Оттуда же, откуда и дракон, — прошептал Клокс и посмотрел на Юайса, который вновь присел возле тела. — Что скажешь, бывший егерь? Делить магию и зверя или все из одного русла?

— Да что там говорить? — махнул рукой Дойтен. — Идти к бургомистру и готовить большую охоту. Загонять надо зверя, кто бы он ни был! Тем более егеря здесь... Вот ведь... Не зря моя лошадка задрожала от его воя.

— Юайс! — снова окликнул защитника Клокс.

— Ничего пока не скажу, — выпрямился Юайс. — Но жаль, что я не подошел к стражнику, когда мы подъезжали к городу. Могло оказаться, что он уже был мертв или едва жив.

— Мертв? — выпучил глаза Клокс. — Да он тут храпака давал!

— И полз без ноги и с переломанной шеей, — кивнул Юайс. — Тебя не удивляет, что крови мало? Что на руках следы пут? К тому же у него рана на руке под рукавом. Защита грубо, через край суровой ниткой. Кажется, кровь из него выпустили едва ли не всю. Причем не так давно. Так что был кто-то еще кроме зверя. И вряд ли он охотился на оборотня... Подозрительно. Кажется, я начинаю понимать Брайдема. Роуту тут не место. Все ушли? Давай, Гао. Помнишь наставления? Где зверь? Куда ушел?

Девчонка, которая замерла тенью в стороне, расправила плечи, скинула на плечи капюшон, оказавшись юной черноволосой красавицей, задрала подбородок и, закрыв глаза, подставила лицо под капли дождя. Клокс поднял факел еще выше, шагнул к ней, вглядываясь в тонкие черты. Мокрые волосы спутались у нее на щеках. Как и Юайс, она была в сапогах.

— В город, — дрожащим голосом ответила, не открывая глаз, Гаота. — Зверь ушел в город. Большой зверь.

— Как ушел? — поморщился, поднял грязную ногу Клокс. — И ворота за собой прикрыл?

— Не знаю, — прошептала Гаота. — Большой зверь... Но не самый опасный.

— А кто самый опасный? — не понял Клокс.

— Много, — пробормотала Гао. — Не вижу пока. Но много. Очень опасны. Весь город опасен. И будет еще опаснее. Я чувствую...

— Это все? — вновь обратился в цаплю, стоящую на одной ноге, Клокс.

— Нет, — мотнула головой девчонка, открыла глаза и прошептала: — Голова разрывается на части. Болит. Колдовство. В городе — колдовство. Но завтра будет солнце!

ГЛАВА 2

Гаота

Жизнь юной мисканки поделилась на две части три с половиной года назад. Едва не оборвалась вовсе. Ей только что исполнилось десять, отец — странствующий лекарь — преуспевал, потому как не только был знатоком трав, но и, по мнению многих, имел способность видеть всякого недужного бедолагу едва ли не насквозь, а значит, полезно совмещал в себе и травника и знахаря. Мать была счастлива рядом с отцом и тремя дочерьми, готовясь разродиться четвертым ребенком. Возок поскрипывал новыми колесами, да и пара лошадок была молода и резва. К тому же копились понемногу монеты, и до исполнения мечты о покупке домика у моря где-нибудь в Аршли, а то и на окраине Ашара оставалось всего лишь года три или четыре странствий. Тем более что слава удачливого лекаря неизменно обгоняла его возок. Она не изменила ему и весной одна тысяча двести семьдесят седьмого года в маленьком королевстве Нечи, которое служило затычкой между вершинами гор Черной Гряды и волнами моря Ти. Там, за крепостными стенами и земляными валами Нечи, начинались просторы Айлы, Дамхара, Фьюла и всего дикого и опасного. Там вечно клубилось что-то неизвестное и страшное. Оттуда то и дело выплескивались разбойные орды и стаи всевозможной мерзости. И хотя воины Нечи, слывшие едва ли не самыми суровыми воинами Арданы, отражали все набег и нападения, даже мелкие стычки множили раненых и увечных. Так что лекарь, и уж тем более хороший лекарь, всегда мог рассчитывать на то, что его умения будут востребованы в Нечи. Так выходило всегда, и точно так же вышло и в тот раз.

Отец едва успел миновать городские ворота, как гонец самого короля развернул лекаря к замку, где нашлось применение не только его талантам, но и стараниям юной Гаоты, которую мать приводила к мужу всякий раз, когда хитрая хворь ус-

кользала даже от зоркого взгляда лекаря. Гаота, считавшаяся озорницей и среди озорных сестер, старалась не прыснуть со смеху, напяливая на лицо самую серьезную гримасу из тех, что были у нее в запасе, надувала губы и безошибочно указывала, что на самом деле болит у какого-нибудь вельможи или, к примеру, обычного конюха, и какие важные, но невидимые снаружи части тела задела попавшая в доблестного стражника подлая диргская стрела. Отец со всем вниманием прислушивался к советам дочери, задавал ей уточняющие вопросы, затем обращался к снадобьям и травам, применял их так, как должно, и добивался в трудах неизменной удачи, тем более что его дочь была слишком юна и неопытна, чтобы скрывать горе, если кто-то из недужных оказывался действительно безнадежен. Слезы выкатывались из ее глаз и лились безостановочно, несмотря на всю ее веселость. Изредка, если надежда на исцеление еще теплилась и слезы стояли в глазах дочери, но не бежали по ее щекам, отец призывал мать Гаоты, которая вместе с ней накладывала на больного руки и, как она говорила, вытаскивала несчастного на белый свет. Лоб матери в таких случаях покрывался бисером пота, а Гаота опять надувала губы и с трудом сдерживалась, чтобы не прыснуть со смеху, потому как ладоням ее было щекотно, и ей казалось, что она могла бы вытащить и тех больных, которые и она сама, и ее отец определяли как безнадежных, но только в том случае, если бы была сильнее в тысячу раз и во столько же раз больше, потому как всякий раз обрушивать в бездну немощи, туда, где у больного уже не было ни здоровья, ни силы, а иногда уже и самой жизни, приходилось саму себя. А что обрушивать, если в ней самой было меньше трех локтей роста и ее ручки и ножки казались так тонки, что не переламывались, как смеялись ее старшие сестры, только благодаря ее редкому везению?

Так или иначе, но в последний день лекарьских трудов в замке Нечи, когда отец уже собирался перебираться на посад или в слободы, незнакомые люди принесли еще одного больного. Дело было поздним вечером, почти ночью, и отцу пришлось разбудить Гаоту. Она увидела удивительно худого человека с обожженными руками и грудью и впервые испугалась. Но страшными были не раны, к которым она успела привыкнуть, и даже не то, что, как почувствовала Гаота, у несчастного не только обуглилась кожа, но и основательно пропеклись внутренности. И не то, что человек, который находился уже не

на пороге смерти, а далеко за ним, все еще был жив. А то, что он все знал. Он видел себя изнутри так же, как видела других больных Гаота. Он знал, что почти мертв, что уже давно должен был умереть, но не умирал. Держался неизвестно как и неизвестно чем, не терял сознания, но было видно, что и его силам наступает предел.

— Замолчи, — прошептал он чуть слышно отцу Гаоты, который попытался расспросить несчастного о причинах столь ужасного ожога, и добавил: — Зови жену, вот эту девчонку, еще есть дети? Всех зови. Пусть делают, что могут. Вот она, — он шевельнул обожженной ладонью, показал на Гаоту, — знает. А ты только давай питье. Я уже мертв, лекарь. Будешь лечить меня, когда оживу. А это можно сделать только через ту силу, которую в твою семью принесла твоя жена. Старайся, не пожалеешь.

Они прибежали все. Гаота, две ее сестры, мать. По требованию больного положили руки прямо на спекшееся мясо на его груди и начали вытаскивать несчастного из бездны, в которую он погружался с каждым мигом все глубже и глубже. Точнее, вытаскивать стала Гаота, а сестры только смотрели на нее и лишь попискивали чуть слышно, потому как глаза их начинали туманиться, а причин этого тумана они понять не могли. Гаоте тоже было несладко. Она не ощущала ни боли, ни усталости, но чувствовала, как из ее ладоней во что-то — то горячее, то ледяное — уходит она сама. Потом, когда все вокруг начало становиться мгlistым и туманным, когда обе ее сестры заснули от изнеможения и свалились на пол, когда уже мать схватила Гаоту за плечи, помогая дочери удержаться на краю бессилия, и отец, который мог так немного в сравнении с собственной дочерью, тоже положил ладони на ее руки, и даже как будто маленький брат Гаоты в животе матери влил свою крохотную силу в затыкание разверзшейся под пальцами бездны, больной вывалился из небытия на эту сторону жизни и заснул. Гаота отняла ладони от его груди и обнаружила под пальцами два пятна здоровой кожи. Обнаружила — и свалилась без чувств.

Он появился через три дня, но пришел опять поздним вечером. Нашел возок лекаря на городской площади Нечи, вызвал отца, опираясь на обитый медью посох из черного дерева и глядявая на Гаоту, которая играла с сестрами в камешки тут же в пяти шагах, поговорил с ним. На незнакомце был черный

балахон служителя Храма Присутствия, и медный диск на его груди подтверждал эту службу. Когда он ушел, мать спросила: чего хотел этот человек? И заплатил ли он за то, что его вернули к жизни?

Отец, который сжимал в руке оставленный незнакомцем тугой кошель, дал знак семье забираться в возок. Там он высыпал содержимое кошеля на пол. Зазвенели, покатались золотые монеты. Заискрился черной цепью небольшой зеркальный диск. Мать упала на колени, накрыла богатство ладонями, подняла наполнившиеся слезами глаза:

— Это за исцеление?

— Не только, — мотнул головой отец. — Только половина этого. Вторая половина — задаток за год службы в Тэре при Храме Присутствия. Если мы туда прибудем через месяц да покажем этот диск, то будем лекарствовать среди священной братии и вельмож Тэра и каждый последующий месяц будем получать столько же монет. И уже через год у нас будет достаточно средств для того, чтобы не только купить домик у моря, но и выдать замуж всех троих дочерей.

— И меня? — удивилась Гаота.

— Не сразу, — успокоил ее отец. — Ты еще маленькая.

— Нет, — качнулась, отчего-то схватившись за живот, мать. — Нельзя соглашаться. Так не бывает. Нельзя. Слишком много денег.

— Хорошо, — побледнел отец. — Завтра он придет, и я отдам ему половину монет. И мы продолжим делать то, что делаем. Хотя могли бы прожить год в тепле, под крышей, не утруждаясь сверх меры. Он сказал, что работы будет меньше, чем здесь. И уж таких случаев, как с ним, вовсе не должно случаться. Тэр далек от границ Арданы. Ни западных колдунов, ни диргов, ни имни там нет. Или почти нет.

— Мама! Мама! — вожделенно заныли сестры Гаоты.

— Почему так дорого? — растерла по щекам слезы мать. — Если бы сумма была меньше хотя бы в четыре раза, я бы обрадовалась так, как не радовалась никогда! Но это слишком много, слишком!

— Вот, она, — кивнул на Гаоту отец. — Она сделала чудо, даже не понимая этого. А чудеса стоят денег. И иногда, как ты понимаешь, их платят. Не думаю, что от удачи следует отказываться.

Они не отказались. Выехали через день из Нечи, ушли дальше к востоку, добрались по настоянию матери до Аршли и уже оттуда двинулись на север к Тэру. Если уж и преодолевать полторы тысячи лиг навстречу выпавшей удаче, то по обжитому тракту, где часты дозоры и сёла тянутся одно за другим, а не вдоль опасных гор Черной Гряды. Через неделю после Аршли, когда возок по пустынному можжевельному плоскогорью выкатывал к южной границе Глиняных увалов, в сердце которых раскинул торговые площади самый большой рынок Арданы — Тарб, Гаоте показалось, что то ли звон, то ли унылое пение раздается из сундука.

— Ты что-то слышишь? — спросила ее мать с тревогой.

— Да, — кивнула Гаота, и мать бросилась к сундуку, вытаскивала из него шкатулку и выдернула, тут же отбросив его на пол возка, зеркальный диск. Он был горячим.

— Что там? — побледнев, спросила Гаоту мать.

Дочь наклонилась над зеркалом и сквозь клубящийся в нем туман разглядела того самого храмовника. Он как будто стоял на высокой башне, раскинув в стороны руки, и раскачивался. И то ли из его уст, то ли от этого движения рождался неприятный, невыносимый звук, как будто в придорожном трактире оставленный без присмотра ребенок ведет пальцем по кривому стеклу. Но очень громко, очень.

— Что там? — обернулся с облучка отец.

— Смерть, — прошептала мать. — Какая же я дура... Тот, кого мы спасли от смерти, призывает тех, кому он обещал то золото, что дал нам.

— Что ты говоришь? — сунулся в возок отец, но диск вдруг потемнел, стал черным, вслед за ним почернела цепь, а секундой позже и то и другое осыпалось пеплом.

— Черный Круг, — вымолвила побледневшими губами мать.

— Что это значит? — не понял отец.

— Гони лошадей!.. — прошипела мать сквозь стиснутые зубы. — Его зов был услышан!

— Чей? — не понял отец.

— Быстро! — закричала мать таким голосом, что отец тут же бросился к лошадям и уже не поднимался с облучка, заставляя возок нестись вперед как можно быстрее.

— Вот, — протянула мать старшим дочерям ножи. — Не давайте свою жизнь просто так.

Те сидели с вытаращенными глазами, не говоря ни слова.

— А мне? — прошептала Гаота.

— Тебе не нужно, — сказала мать. — Не делай ничего. Оста-
нешься жива. А там — смотри сама. Дальше уже будет только
твоя жизнь.

— Может быть, обойдется? — прошептала одна из дочерей.

— Может быть, — пожала плечами мать. — Если их будет
немного.

— Сколько «немного»? — подала голос другая.

— Полдюжины, — был ответ. — Если больше, уповайте на
Вседержателя и на удачу.

Они замолчали, и Гаота, которая смотрела на бледные про-
фили матери и сестер, вдруг поняла, что ее сестры стали взрос-
лыми. В один миг остатки детства слетели с их лиц и обнажи-
ли то, что следовало разглядеть давно. Две девчонки, которые,
в отличие от Гаоты, всегда считались копиями отца, теперь бы-
ли неотличимы от матери. Они собирались сражаться.

Гаота перевела взгляд на трясущийся от гонки полог и за-
мерла. Напротив нее сидел незнакомец. Но не тот, которого
она излечила, на свою голову. Другой. Может быть, он даже и
не сидел, а стоял, но она видела только лицо, голову, на уровне
своего взгляда. И это лицо словно начало оживать после того,
как Гаота заметила его. Сначала оно было просто лицом устав-
шего, изможденного человека, потом черты его стали менять-
ся, становиться резче. Растворилась короткая седина на чере-
пе, и сам череп стал больше и покрылся желтоватой кожей.
Провалились глаза и раздались в стороны скулы. Выпятился
подбородок, а между растянувшимися в улыбке тонкими губа-
ми шевельнулось серое острие языка.

— В глаза, — зашелестело невыносимо в ушах Гаоты. —
В глаза мне смотри, тварь!

— Нет, — вымолвила Гаота и зажмурилась изо всех сил.

— Собаки! — закричала сестра, поднимая тент и спугивая
морок. — Мы спасены? Но я не вижу охотников!..

— Это волки! — закричал отец, подгоняя лошадей.

— Хуже, — прошептала мать и вытащила из сундука то ли
большой узкий нож, то ли меч, который не походил на обыч-
ное оружие стражников, уж больно несуразно длинной у него
была рукоять. — И их больше десятка.

Сестры побледнели.

— Что значит — хуже? — спросила Гаота, вглядываясь в тени, мелькающие против солнца среди зеленых кустов в сотне шагов к западу. Да, для собак они были слишком крупны, но никакой угрозы не ощущалось от их быстрого бега. Конечно, если не считать угрозой смыкающийся на макушке холод от их вида.

— Не волки, — отрезала мать.

Вскоре дорога пошла в гору.

— Дозор! — кричал отец, размахивая кнутом. — Дозор должен быть перед холмом! Я уже вижу вышку!

Мать выбралась из-под тента и встала рядом с отцом, замерла, словно была с раскачивающимся возком одним целым, и не произнесла уже ни слова. Ни когда вглядывалась в торчащую над кустами вышку, ни когда стало ясно, что дозора ни на ней, ни возле нее — нет. Вместо него всюду валялись клочья истерзанных тел.

— Прости, — произнес отец, посмотрев на мать, и в этот миг не-волки напали.

Гаота не помнила, что в точности происходило в последние мгновения *той* ее жизни. Что-то провалилось в трясину ужаса, что-то было скрыто от нее тентом, во всяком случае, пока он не был сорван, и она вдруг увидела, что повозка неподвижна, ни лошадей, ни отца, ни сестер — нет, а у основания дозорной башни кружится вихрь тел, в котором мелькают звериные загривки, оскаленные пасти и сверкает узкий, чуть изогнутый меч. Потом все распалось на мгновения. В одно из них какой-то голый мускулистый человек копался в сундуках повозки, набивая мешки. В другое — двое таких же голых людей связывали Гаоте руки и ноги. В третье она успела разглядеть истерзанных лошадей, изломанные, разодранные на части трупы отца, сестер и как будто руку матери с зажатым в ней мечом. Рука была оторвана, хотя и лежала на груди из нескольких звериных туш.

Один из голых людей взял этот меч, с некоторым усилием расцепил мертвые пальцы, отбросил обрывок руки в сторону, подошел к Гаоте и, прошипев: «Двенадцать братьев и сестер пали из-за тебя, мерзкая маола! Двенадцать!» — почти ткнул ей его в лицо. Наверное, не ткнул, потому что и это мгновение не было последним.

Потом как будто случился сон, в котором она лежала на спине огромного зверя и еще четыре зверя с закрепленными на спинах мешками бежали рядом. И горы на западе в просветах леса становились все ближе, а сам лес — все темнее и гуще, и это видение оставалось сном вплоть до того мгновения, когда из зарослей орешника полетели стрелы и не-волки кубарем полетели в лесной овраг, где им тоже не нашлось спасения. Последний, который нес Гаоту, будучи уже пронзенным стрелой, повернулся к девчонке, чтобы разорвать вынужденную наездницу, но не успел. Сверкнув над ее головой, узкий меч снес башку зверю. А потом она разглядела за светлыми прядями странные голубые глаза и услышала голос, который сказал ей:

— Живая. Странно. Или тебя кто-то очень любит, или слишком сильно ненавидит.

— Некому любить... — прохрипела она чуть слышно и провалилась в темноту.

Теперь же этот самый голос звучал у нее над самым ухом и повторял:

— Гаота. Вставай. Пора идти в город. А нам еще нужно обязательно размяться и перекусить. За окном солнце, как ты и обещала.

Их было трое. Юайс, Глума и Колан. Светловолосый воин, который двигался словно скользкая по речным струям рыба. Прекрасная охотница, напоминающая вылепленную из мышц упругую статуэтку. Невысокий, улыбчивый крепыш. Они вытряхнули добычу не-волков и, выбрав то, что могло, по их мнению, пригодиться освобожденной пленнице, снарядили ей мешок. Гаоте казалось, что ее сон продолжается, хотя бы потому, что эти трое вроде бы не произносили ни слова, и даже те слова, которые вымолвил при ее освобождении Юайс, остались единственными. Они двигались вокруг нее как тени, и странным образом именно это и успокаивало ее, потому как не могло быть настоящим. Она ехала на лошади впереди Глумы, придерживая на поясе меч матери, который так же молча нацепил на нее Юайс, спала, как и ее спутники, на травяной постели или лапнике, получала время от времени в руки миску с каким-нибудь варевом, почему-то собирала валежник для костра. С ней обращались как с равной, и она даже начинала чувствовать себя равной, хотя бы потому, что научилась пони-

мать спутников без слов. Но ее новая жизнь все еще не началась. Она по-прежнему словно спала, и даже как будто смотрела на саму себя со стороны и удивлялась, что она все еще может ходить, ехать на лошади, разговаривать сама с собой, готовить еду, спать — после всего того, что с нею случилось. Иногда ей казалось, что они уходят от преследования, несколько раз ее спутникам приходилось схватываться с какими-то тварями, но она уже не видела этих схваток, только догадывалась. Всякий раз с ней оставался Колан и ждал, когда все закончится, едва заметно досадуя, что он вынужден исполнять роль охранника.

В конце того ужасного лета, хотя ужасным-то все-таки был самый конец весны, отряд охотников добрался до полуразрушенной крепости в горах.

— Крона, — назвал ее Юайс, и это было второй раз, когда он заговорил вслух.

Руины древних, покрытых мхами стен едва проглядывали между вцепившихся в скалы горных сосен. Внутри единственной, сохранившейся на половину высоты башни горел костер, возле которого сидели незнакомые Гаоте охотники и еще кто-то, непохожий на охотника. Это был чуть грузноватый мужчина среднего роста. В отличие от охотников, он был одет не в короткий котто, а в длинный плащ, словно осень уже наступила, да и всем своим видом напоминал скорее торговца.

«...или лекаря», — подумала Гаота и почувствовала, что слезы, кажется, скоро отыщут дорогу к ее глазам. Она не слышала, о чем Юайс говорил с этим человеком, но тот, прихрамывая, подошел к ней через час, взял ее за руку и спросил:

— Как тебя зовут?

— Гаота, — удивилась сухому звучанию собственного голоса девчонка.

— А меня зовут Брайдем, — грустно и как-то по-родственному пробормотал человек. — Теперь я отвечаю за тебя.

«Перед кем?» — хотела спросить Гаота, но вопрос так и не прозвучал, или она произнесла его неслышно, потому что вскоре она уже сидела перед этим грузным человеком на его лошади, чтобы более чем за месяц преодолеть другие полторы тысячи лиг и оказаться уже не в Тэре, а в другом месте. Завершить длинный путь, минуя крупные города и села, останавливаясь в деревнях и на хуторах. Переправиться через широкую реку Курсу, которая из-за тумана на мгновение показалась

Гаоте морем. Заглянуть в синие воды Чидского озера, с опаской поплутать между мертвых холмов Рэмхайнской пустоши, чтобы наконец спешиться у врат странной крепости, зажатой между чудных — как будто собранных из шестигранных стержней — отвесных скал, подбираться к которым пришлось по узкой извилистой дороге.

— Рэмхайн, — сказал ее спутник, который, конечно, оказался гораздо разговорчивее охотников, но тоже за всю дорогу вряд ли произнес больше полусотни слов. — Так называются эти горы. Они красные, но не обращай внимания, красными становятся мхи осенью. Летом они были зелеными. А эта крепость называется Стебли. Или, как все чаще, — Приют Окаянных. Она очень древняя. Такая же древняя, как и Крона, где черные егеря передали тебя мне. Но мы потратили двенадцать лет, чтобы привести это место в порядок. Теперь ты будешь здесь жить. Это место для тех, кто хочет обрести надежду.

— Зачем она мне? — спросила Гаота.

— Все так говорят, — пожал плечами Брайдем. — Пошли. Теперь это твой дом.

— Пошли, — кивнула она, но еще не ожила.

Она не ожила и уже внутри крепости, когда впервые в жизни получила крышу над головой и даже отдельную комнату, в которой вместе с ней жили две ее ровесницы. Шевелились безмолвными тенями. Она их едва замечала. Не ожила, когда впервые столкнулась с другими детьми, в первый год в Стеблях их было немного, меньше двух десятков. Не ожила, когда поняла, что ей предстоит прожить в этом доме несколько лет, и эти дети, и несколько наставников, с которыми знакомил ее Брайдем, будут заменять ей отца, мать, сестер и неродившегося брата. Ожила она только тогда, когда вместе с первым снегом в крепости появился новый наставник.

— Он будет заниматься с вами следоведением, правилами охоты, противостоянием и некоторыми другими науками, — объявил Брайдем, после чего пригласил нового наставника в учебную келью. Вот тогда и началась новая жизнь Гаоты. Увидев Юайса, она рванулась с места, обняла охотника и зарыдала.

— В самом деле, солнце! — заметил Юайс, шагая по деревянному тротуару мимо деревянных же заборов, которыми на окраине Граброка ограждался каждый дом.

ГЛОССАРИЙ

Айла — страна за Черной Грядой

айлы — выходцы из мира Мэлат

айны — магические звери (не люди), обладающие разумом

Айэйс — город и королевство на севере Арданы

Амхайн — город в королевстве Тэра

Аран — город в королевстве Нечи

Ардана — земли, расположенные восточнее гор Черной Гряды, Айслинга и Рэмхайна

арды — один из народов Арданы

Аршли — город в королевстве Ашар

Ашар — город и одноименное королевство в Ардане

Бейн — древний город

Бейнский лес — зачарованный лес в верхнем течении

Курсы

Белый Храм — собор, возведенный на месте пленения Святого Нэйфа

Блатана — свободный город в Ардане

Гар — город в королевстве Тэра

Глиняные увалы — возвышенность на севере Ашара

Горм — море с северо-востока Арданы

Габрок — город на юге королевства

грисы — опасные духи в виде сгустков паутины и мглы

Даир — сэгат габрокского храма

Дайред — бог иного мира

даланы — исконные обитатели Талэма

Данмхар — страна за Черной Грядой

Дара — второй левый приток Курсы

Джейкоста — королевство на севере Арданы
дирги — народы, проживающие к западу от Черной Гряды

запяст — мужской браслет (в данном тексте)

игли — магические существа, звери

имни — тайный народ

колесник — человек, исповедующий веру в божественную одаренность Святого Нэйфа

Коркра — сноковский город при впадении Дары в Курсу

Крона — крепость в предгорьях Черной Гряды

Курса — главная река Арданы

Кэч — столица королевства Кэча

Кэча — арданское королевство

лига — расстояние в тысячу шагов

Лиственная топь — болота на востоке Арданы

лит — мера веса

Лобхад — демон, один из слуг Дайреда

маола — одна из ветвей высших имни, люди с особыми способностями

мисканы — один из народов Арданы

Мэлат — название мира айлов

Натхаир — город и королевство на востоке Арданы

невеста Нэйфа — послушница Храма Очищения

Нечи — королевство на юго-западе Арданы

Нэйф — мученик, возведенный в ранг святого

Оайлин — большой остров северо-восточнее Арданы

Одис — остров юго-восточнее Арданы

Олс — демон, один из слуг Дайреда

олти — имни, которые способны обращаться по своей воле в разное

орден Молчания — орден хранителей

Очаг — орден убийц

Паена — демон, одна из слуг Дайреда

Приют Окайнных — обитель в стенах крепости Стебли

Проклятый — см. Дайред

Ринна — королевство в горах Черной Гряды
Рэмхайн — горы на севере Арданы
Рэмхайнская пустошь — мертвые земли за рекой Чид

Священный Двор Вседержателя — резиденция Аты, главы Храма Нэйфа

сеолы — морской (прибрежный) народ юга Арданы
Сиочана — закрытое королевство в Мертвых горах
Сиуин — город и одноименное королевство
Скотный Двор — союз имни
Скэч — город в королевстве Игла
слайбы — горный народ Черной Гряды
Слеза Бейна — артефакт: камень, стирающий магию
сноки — один из народов Арданы
Снокис — город и одноименное королевство
Спайред — город в королевстве Тэра
Спеир — полуостров на юго-западе Арданы
Стебли — крепость в горах Рэмхайн
сэгат — священник, управляющий храмом или службой

Талэм — земля обетованная

Тарб — ашарский город в Глиняных увалах и самое большое торжище Арданы

Тарта — тень Дайреда

Тасуил — *см.* Дайред

Ти — море, омывающее юго-западный берег Арданы

Тимпал — город в королевстве Сиуин с особым статусом, резиденция Святого Двора Вседержателя

Тэр — столица королевства Тэра

Фион — столица королевства Фиона

фиры — имни высшего ранга

Фьюл — страна за Черной Грядой

Фюата — тень Дайреда

Храм Нэйфа — Священный Двор Вседержателя

Храм Ожидания — Храм Ожидания Воли Всевышнего

Храм Очищения — Храм невест Нэйфа

Храм Присутствия — Храм поклонения Солнцу как лику творца-Вседержателя

Черная Башня — древнее строение в Тэре, разрушившееся в мгновение смерти святого Нэйфа

Черная Гряда — горы на востоке Арданы

черные егеря — охотничий орден

Черный Круг — колдовской орден

Черный Храм — Собор на Крови Святого Нэйфа, построенный на месте Черной Башни из ее камней

Чид — левый приток Курсы

Чидское озеро — проточное озеро на реке Чид

Эдхарский мост — древний мост, соединяющий Ардану и Оайлин

Эйад — свободный город в Ардане

Экрас — тень Дайреда

эсала — люди, достигшие особой мудрости и силы

Этгуайд — северный океан

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ВОЙ	10
Часть вторая. БОЛЬ	140
Часть третья. СМЕРТЬ	243
<i>Эпилог</i>	370
Г л о с с а р и й	374